

Александр КОСТЕНКО

ПАРНОЕ МОЛОКО

Александр Михайлович Костенко родился в 1955 году в городе Орске Оренбургской области. Служил в армии, окончил русское отделение филологического факультета МГУ им. Ломоносова. Преподавал на кафедре русского языка в Орском педагогическом институте, долгое время работал в средствах массовой информации, издавал частный коммерческий еженедельник «Орская крепость». Стихи пишет с юности. Произведения печатались в периодике, дважды лауреат Международной поэтической премии «Образ» (Москва), автор книг «О самом главном», «Цвет надежды» и «Високосный год». Живёт в Орске.

ЗАПАХ ТОПОЛИНОЙ ПОЧКИ

В роще апрельской уже
обязательным
стал ритуал: дотянуться рукой
к тополя ветке движеньем
касательным.
Склеены напрочь — большой
с указательным —
липкою почкой. А запах какой!

Сами собою смыкаются вежды.
Это блаженство, в котором
слились
трепет предчувствия, нотки
надежды,
неба весеннего высь.

Знает, кто в этих местах
завсегдатай,
что на планете всей
тополя почки, меж пальцев
размятой,
запаха нет вкусней!

Слабость моя — тополиные
скверы,
только что высвобожденные
из оков
зимнего плена.

Ау, парфюмеры!
Свежая тема для ваших духов!

ШКОЛЬНАЯ ЁЛКА

В дни предновогодней суеты
мало кто подолгу спит. До сна ли!
Классы в школе все как есть
пусты,
хоть уроков и не отменяли.

Но зато клокочет, как вокзал,
актовый предновогодний зал!

Всё бурлит и буйствует, суля
неизбежность встречи с Новым
годом.
Здесь вся школа, все учителя.
Подготовка к ёлке — полным
ходом!

Малышня ныряет между ног...
Гам — не для изнеженного уха!
Выситя под самый потолок
та, вокруг которой вся
«движуха».

Та ж, кому всё это
подконтрольно,
пятясь, натываясь на зевак,
головой вертя и так и сая, —
ёлкой разнаряженной довольна!

Окна все заставлены щитами.
На щитах (мой папа рисовал!) —
зайцы, волки, белки с петухами,
лисы с распушистыми хвостами...
Сказочный звериный карнавал!

Зал вмещает общие линейки.
Здесь бывают танцы и кино.
И хотя убрали все скамейки,
стало тесновато всё равно.

Потому как нынче, кроме ели
и фанерной горки у стены, —
для школят поставили качели.
В общем, все капризы учтены!

Это всё, и празднично, и броско,
мастерски, со вкусом, наконец,
— где отыщешь в прочих школах
Орска? —
сделал наш художник — мой отец.

Он ведёт не только рисованье,
но ещё черчение и труды.
В школе в эти дни он
(вот призванье!)
сутками без сна и без еды...

Здесь и мама... Ёлку наряжая,
от учеников не отстаёт.
Мама школе тоже не чужая:
много лет ботанику ведёт...

...Это я для полноты картины
здесь про маму с папой
рассказал...
По домам! Закончены смотрины.
Завтра самый первый карнавал!

ПАРНОЕ МОЛОКО

Две коровы держали Шуваловы.
Двух доили. И вспомнить легко,
что за двадцать копеек без малого
брали люди у них молоко.

Кто блины завести, кто для
творога,
кто на ужин детей напоить...

По тогдашним расценкам
недорого.

А с бутылочным —
разве сравнить?

По субботам и, кажется,
вторникам,
после жаркого летнего дня,
хоть и был я в то время
дошкольником,
отправляли с бидоном — меня.

Ручка круглая теплилась
ласково,
как влитая, в моём кулаке.
И весь путь вдоль квартала
барацкого
я мечтал о парном молоке!

И всегда тётя Шура Шувалова,
про мою эту ведаю страсть,
крышки три молока наливала
мне,
чтобы я им насытился всласть!

А потом уже дома, за ужином,
чем домашних немало смешил,
с непомерною жаждой
недожинной
всё глушил я его и глушил...

Не вернётся былое.
Вот жалость-то!
Разлюбил, что любил искони.
Дёрнуть водочки —
это пожалуйста.
Молочка предлагают — ни-ни!

Безусловна в своей
невозвратности,
жизнь — так проще, наверное,
ей —

о своей намекает закатности,
о конечности то бишь своей —

тем, что белой молочной
пенности,
как в лазурной выси облака,
предпочли мы иные ценности,
ой, не факт, что белей молока!

Вспоминаю то время славное,
наш лучащийся счастьем дом.
Всей семьёй, ещё
полносоставною,
молоко мы из кружек пьём.

А оно, словно кипень, белое,
в виде чёткой сплошной полосы,
всех такими смешными делая,
нам рисует свои усы!

ИЗ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Сена, припорошенного снегом,
дух — неопикуемый восторг!
Косогор, сливающийся с небом,
и под кручей — одинокий стог...

Лето напролёт мой батя вилами
этот самый стог формировал.
Жители, бесспорно, городские
мы,
но корова есть и сеновал.

Ну а птицы по дворам —
немерено.
Петухи без усталости орут.
Ивлевы — соседи — держат
мерина.
Мерина Калигулой зовут.

Волоча салазки вдоль оврага,
в такт копытам машет головой...
Ко всему привычная коняга
не похожа на прообраз свой.

Умный конь. Шарахается мата.
Мужики проверили не раз.
Я люблю Калигулу как брата.
И любовь взаимная у нас.

Я ему, бывало, у конюшни
все свои поведаю дела.
Слушает каурый простодушно,
закусив стальные удила.

Всем понятно: мы друг другу
нравимся.
Ну-ка, расступись, народ честной!
Часто мы с Калигулой катаемся.
Славная лошадка подо мной!

...После вьюги трудно узнаваем
наш посёлок. Снега намело!
К нам от центра —
полчаса трамваем.
Но какой же город тут? Село!

...День-деньской — до одури —
на речке
«фигуркáми» полосатить лёд.
А потом оттаивать у печки.
Жизнь прекрасна.
Скоро Новый год!

УТРО БОРЬКИНОЙ КАЗНИ

Ядрёное зимнее утро. Все в сборе:
отец, дядя Федя, Васыль и его
два дюжих соседа.
...Кабанчику Боре
отпущено жизни —
совсем ничего...

По душу его эти грозные дядьки
явились. Огромный двуострый
клинок
с ласкающим пальцы стеклом
рукоятки,
доху распахнув, дядя Федя
извлёк.

Одна за другою ломаются
спички.
Заборист на стуже табак
дармовой.
Хвать Борьку — да на́ спину...
Дело привычки.
Знакомое — ни для кого
не впервой...

Распятый кабан и огромен,
и жалок,
и всем естеством понимает
сейчас,
что крышка ему...
Отшатнувшись чуть набок,
хозяин клинка замахнулся
и — раз!..

Горячая кровушка хлещет
привольно.
Слабеют тиски окровавленных
рук.
И Борьке так страшно,
и Борьке так больно,
что он из-под рук
вырывается вдруг!

— Куда?! — прохрипели
отчаянным хором,
когда от рывка покачнулась
земля.
Но мчится стрелой недорезанный
боров
и ну по двору выдавать кренделя!

Уже переполнено кровью
 корыто,
 и вынесли женщины тазик
 второй...
 А самое главное —
 сердце пробито,
 а он фордыбачится, чисто живой!

Тот случай был неким намёком
 и знаком,
 став зримым кошмаром
 бессонных ночей.
 Полвека с тех пор уже минуло.
 С гаком.
 Но помню я утро то —
 до мелочей.

...Как Борька упал, наконец,
 бездыханным...
 ...Как после в две лампы
 палили его...
 ...И как я сидел истукан
 истуканом
 за щедрым столом —
 и не ел ничего.

УЧИТЕЛЬ ПЕНИЯ

Исаак Абрамович — «ишак».
 И хотя играет он прилично,
 мы зовём его частенько так.
 Не по злобе. Просто нам
 привычно.

За глаза, конечно. Только он,
 добрый человек-аккордеон,
 что дана ему сия кликуха,
 злая и обидная для слуха,
 судя по всему, осведомлён.

Что же ему делать, коли так
 нарекли родители — Исаак?

В имени старинном, допотопном
 разве есть какая связь
 с животным?
 Да ещё, тем более, с ослом?
 Никаких подвохов не увидишь,
 коль с рожденья все слова —
 на идиш...
 Да и задним думалось умом!

А вот в русской школе,
 что ни шаг,
 по пятам преследует — «ишак»!

Бедный, бедный Исаак Абрамыч!
 Но, похоже, не в обиде он.
 Хвалят все коллеги,
 даже завуч, —
 так хорош его аккордеон!

Взглядом всех заворочит
 бездонным
 (думай после, в чём его прикол),
 чуть нагнётся над аккордеоном,
 пальцы растопырит — и пошёл!..

Господи Иисусе, что за звуки!
 Да они заоблачным под стать!
 Как летают Исаака руки!
 Как они умеют так летать?

После этих искромётных
 «престо» —
 «ленто» льётся, жалобно
 струясь...

Слушаешь и не находишь места,
 размышляя: в чём взаимосвязь?

Как и в прочем —
 нет взаимосвязи.
 Может, есть, но слишком высока.
 Милого, картавого слегка
 Исаака мы не любим разве?

Или разве нас не любит он?
Есть ли в школе кто его добрее?
Разве под его аккордеон
мы не стали чище и светлее?

Вот бы встать всем классом
у доски,
против зла и хамства оцетинясь,
и промолвить:
— Исаак, прости нас.
Сами мы козлы и ишаки!

ПОХОРОНЫ МАТЕРИ

Ты лежала в гробу,
закусивши губу,
с православной бумажною
лентой на лбу.
Эта тонкая лента была холодна,
как на нашей берёзе
береста на морозе.
И корбила губы чужая слюна...

Словно рыба с открытым
в удушьё ртом,
я стоял в аккурат у твоей
головы,
осеняя себя неукложим крестом.
Я старался как мог,
но не плакал, увы.

Чуть поодаль, в толпе
проводжавших, сера
от тоски безысходной, застыла
сестра.
А у ног твоих, также крестясь
невпопад,
заливался слезами брат...

С панихидною требой справляясь
«на ять»,
сверх за это полученных денег,

с упоением тебя, нашу бедную
мать,
отпевал православный священник.

...На кровать, не раздевшись,
пластом
рухну, плача навзрыд, — потом.
Буду в горе осипшим ртом
«Мама, мамочка!» звать —
потом...

Вихрю траурной чехарды
даст все козыри, знамо дело,
вся огромность Большой Беды,
чтоб затем поглотить всецело!

...В мёрзлом грунте —
могила-щель.
Папа рядышком, через
стеночку...
Прими, Господи, свою дочь,
упокой со святыми — Верочку!

ДАЛЁКОЕ-БЛИЗКОЕ

Далеко-далеко,
где клубятся, кочуя, туманы,
с незабвенных времён,
с той далёкой поры и до сей,
там, где пойменный шёлк
окаймляемой речкой поляны, —
ждёт трава-мурава
большекрылых залётных гостей.

Далеко-далеко,
но неведомым образом близко,
по-над улицей нашей,
над моей головой в аккурат,
распростёрши крыла,
гогоча — это ж надо, так низко! —
тёти-Полины гуси
прямоком на Елшанку летят!

Не скупится июнь
на беспечное тёплое солнце.
Медлит с убылью день
и исчерпан всего лишь на треть.
Полированной яшмой
разноцветное выстлано донце.
Только жмурясь и можно
в глаза нашей речке смотреть!

Это — то, что и денно —
и денно, и ночью охота
класть охапками щедрыми
в жадную топку стиха.
Это память моя, что не гаснет во мне,
словно кто-то
во спасенье её,
не ленясь, раздувает меха.

Там живут, не впадая
в безумный восторг, что — в обители...
И — поскольку везде он —
Эдемский не ценится сад...
Там моя вся родня
и взаправду живые родители.
И любима сестра,
и покамест не женится брат...

...Чем длиннее маршрут,
тем смешней и мизернее средства
отвести эту сладкую
с привкусом рая напасть.
И чем дальше уходим —
тем ближе становится детство.

...Как бы только в него
от подобного счастья
не впасть!